

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ*

Г.В. ФЛОРОВСКИЙ

Религия есть опыт, откровение. В религиозном восприятии верующему открывается, является Бог; верующий созерцает потустороннее, над миром и всяким конечным бытием безусловно возвышенное, и созерцает с непосредственностью, очевидностью и самодостоверностью. Религиозной интуиции присуща первичная определенность, оформленность; хотя она и неизреченна, не поддается однозначному закреплению и исчерпанию в понятиях и образах, она не есть расплывчивое настроение, изменчивое и неустойчивое. В религиозном опыте Абсолютное открывается в строгой определенности своих индивидуальных черт; содержание религиозного восприятия есть индивидуальный объект, и поэтому всякая подлинная религия по существу своему догматична, раскрывается в «вероучение», в догматическое богословие. Суждения догматики суть «суждения восприятия», описательное изображение усмотренного и увиденного и как всякое суждение восприятия они тяготеют к данности и вне ее, взятые в формальной отвлеченности — пусты и неоправданны.

Неверующему, человеку, лишенному религиозного опыта, может прийти в голову преодолеть эту неоправданность логической дискурсией. Верующий отвергнет это оправдание веры разумом, — во-первых, потому что достоверность веры для него первичное и исходное, источник всякой очевидности и оправданности; во-вторых, потому что все религиозные утверждения суть суждения экзистенциальные, будучи притом суждениями восприятия, и стало быть их значимость состоит в безусловной наличности и реальности обозначаемого ими содержания; и, наконец, потому, в-третьих, что Божество — абсолютно, и в смысле реальной отрешенности «свободы» от мира, полной запределности ему. Мало того, всякое оправдание веры, всякое философское обоснование ее значимости, исходящее из той или иной «посюсторонней», «естественной» данности, предполагает однозначную необходимую связь Абсолютного с конечным, Безусловного с относительным. Всякое такое обоснование есть заключение от присутствия следствия к присутствию основания, и условием его допустимости является предварительное признание единственности и единичности причин, иными словами, скрытое принятие выводного суждения. Обычно оно совершается в форме догматического рационализирования бытия, в виде признания его

* Публикуется по рукописному тексту: Архив Б.В. Яковенко (Прага, Чехия). Ед. хр. 205. Л. 1 – 14. Публикатор выражает большую благодарность А.М. Шитову (Прага), любезно предоставившему рукопись для публикации.

«разумности» и превращения *ordo rerum*¹ в дубликат *ordo idearum*², скрепленных между собою «достаточными основаниями» по принципу: *causa aequat effectum*³. Таким образом, разум абсолютируется, — и вместе с тем все бытие превращается в «органическое целое», в логически-упорядоченное Всеединство. Такому мировоззрению присущи два на первый взгляд примиримые свойства: с одной стороны, «докетизм», недооценка реальности «естественного», «данного» мира, поскольку все внимание обращено на сверх-являемое, на ноуменальную или интеллигибельную основу «феноменальных» вещей; с другой — натурализм или абсолютный реализм, поскольку весь пафос доказательства состоит в сведении всего к единству, внутри которого каждая частность находится на своем месте — в силу ли логических оснований или в итоге причинных сочетаний. Целое первее, реальнее, ценнее своих «частей», лишенных самобытности, самодовлеющего достоинства, самостоятельности: в строгом смысле слова есть только Единое, притом как «система» взаимно-сочетанных и неразрывно-с<о>члененных «модусов» или конкретизаций. Я говорю о натурализме потому, что здесь все исчерпывается «естеством», онтологическими определениями, — и вместе с тем есть градация «бытийности»: «закон» связи бытийнее, подлиннее своих экземплификаций, которые он в себе содержит; он есть полнота, а они — *entia imaginationis*⁴. Космологическое или физико-телеологическое (еще более онтологическое) доказательство бытия Божия, поскольку они притязают на системно-конститутивную, а не только дидактическую значимость, исходят из «пантеистической» предпосылки и обосновывают «принадлежность» Абсолютного существа среди вещей мира, точнее говоря «существование» бесконечной «вещи» в мире, Канторовской ω^5 . И потому религиозное сознание их отвергнет. По той же причине оно отвергнет и все дедукции «спекулятивной догматики» и «рационального богословия», соподчиняющих «истины веры», истины о премирном, «истинам разума», познанию мира сего. В итоге такого соподчинения религия как таковая, как подлинное откровение, как опыт трансцендентного исчезает, превращаясь в «учение», в гнозис. «Разумное» оправдание веры есть ее уничтожение: вера оправдывает сама себя. Здесь дело обстоит так же, как с «бытием внешнего мира» или «чужого я»: всякое доказательство здесь убийственно для реальности «опыта».

Отделение «веры» от знания, религии от философии имеет и другую сторону. Если отправляясь от относительного бытия, от мира нельзя «обосновать» Абсолютное, ведение о котором с тем вместе возможно и действительно в религиозном восприятии; если всякая попытка такой трансцендентальной дедукции религиозных истин как «условий возможности» мира и знания о нем равнозначна подмене веры неким чужеродным суррогатом, то и обратно: неприемлема и дедукция мира из Абсолюта, «естественного» знания из

«религиозного», из опыта веры. И, во-первых, логические «образы» вполне недостаточны, чтобы выразить содержание религиозного опыта, отображают его «символически», непрестанно апеллируя к данности, — дедукция ведется из отвлеченных понятий, подменяющих полноту религиозного восприятия, а не из него: вообще из «факта» ничего нельзя вывести, из «суждения восприятия» ничего нельзя дедуцировать. Во-вторых, и такое религиозно-философское оправдание мира опирается на необходимость связи Бога с миром, на своего рода принужденность к порождению или созданию такого именно мира. Между тем, все содержание религии сводится к опыту свободы, существенно преодолевающей всякую роковую, непреоборимую связность: именно этот смысл и имеет реальность Божественной трансцендентности, — будучи творцом и содетелем всяческого, будучи Промыслителем твари, непрестанно воздействуя на нее, Бог действует «через свободу», без «достаточных оснований», и потому Его воля недоведома, Его разум непостижим. С логической точки зрения все отношения Бога к миру совершаются в порядке чуда. *Procedit autem rerum creatio a Deo non aliqua necessitate vel Essentiae, vel scientiae, vel voluntatis, sed ex mera libertate, quae non movetur et multo minus necessatur ab aliquo extra se ad causandum*⁶, — эта формула Дунса Скота⁷ четко описывает основной смысл религиозной установки сознания. И именно поэтому невозможна религиозная философия, религиозная наука, движущиеся в «элементе необходимости» и останавливающиеся там, где бытие преобразуется свободой. Связать религиозное откровение с «естественным» знанием можно лишь при условии, что вещи мира — необходимы; но, как выражается тот же Дунс Скот, *cum enim res producantur ex suo non-esse, possunt ergo*, и потому всякое «обоснование» их бытия (*cur potius sit quam non sit*) отпадает. Логически выражаясь, для религиозного восприятия бытие мира, — то, что вообще мир «есть», что есть нечто кроме Бога — «случайность»: это чудо Божественного Изволения, Божественной Любви. С верующей точки зрения «естественное» знание и в том числе философия — автономны и замкнуты. Этим наносится неизгладимый урон всякому замыслу философского абсолютизма, — стремлению к адекватному и безошибочному овладению самосущим бытием в его внутреннем строении и слаженности, в непреложных законах его существования. Этот замысел непосредственного созерцания «того, что есть, и так, как оно есть» предполагает логическую статичность бытия и его безызычную необходимость; поэтому всякая «спекулятивная» философия тяготеет к Абсолюту. Для нее характерны признания Якоба Бёме: «...все, что случилось, должно иметь как причину, так и корень и основание, по которой и из которого оно случилось: ибо где нет ничего, там ничего не случается; но в начале творения ничего не было, как только один Бог. Поэтому все, что случилось, должно

произойти из его сущности и чрез его волю»⁸. — Мы возвращаемся к тому, о чем уже шла речь. Рационализм, пафос необходимости, гносеологический и метафизический абсолютизм, натурализм, монизм, — все это тесно связано между собою и вместе и порознь раскрывают внутреннюю лживость попыток «органического» сложения «веры» и «знания» чрез превращение «веры» в реальную «предпосылку» знания. Религия и философия, вера и знание существенно разнородны и потому взаимно автономны: вера есть «вещей обличение невидимых», знание — видимых; вера — опыт потустороннего, знание — опыт посюстороннего. И хотя «тамошнее» и «здешнее» смыкаются, но только снова в опыте веры видна и ошутима эта смычка, — и осознается, как чудо — свобода.

И здесь нужно оговориться: раздельность веры и знания не безусловна, не во всех отношениях. Вера не есть разрозненные взгляды, время от времени бросаемые человеком в вечность, не есть и мимолетные кратковременные искры высшего света, на мгновение вспыхивающие и бесследно догорающие. Опыт веры, реальное общение с Богом, выхождение «за предель», религиозный *transcensus*, не остается изолированным в индивидуальной человеческой душе, и верующий сам мир воспринимает по-иному. «Естественное» размышление отправляется от данности и изъясняет ее, создавая гипотетические схемы, «идеальные предметы высшего порядка», которые бы систематизировали, упорядочивали бы «опыт». И вот и исходное видение, и творческая работа философского воображения стоят под влиянием религиозного опыта. Верующий не введет чудес Христа в «естественное» учение о природе, но самую природу он видит иначе. Это не только постулат, но и несомненная реальность, и реальность непреодолимая. За идеологией Платона, за «Метафизикой» Аристотеля, за «*Meditationes*» Декарта, за локковским «*Essay*», за «Критикой чистого разума», за «*Wissenschaftslehre*»⁹, за «*Wissenschaft der Logik*»¹⁰, — всюду стояла живая религиозная стихия, и должно понять, что отрицание Бога есть тоже «религия» — по крайней мере, в психологическом смысле. В области «мысли» вера раскрывается предупреждением — есть свобода; и отвержение веры равнозначно — мир един, связан, необходим... Конечно, в истории философии религиозное влияние иногда бывало обременительным и тяготящим, но именно тогда, когда философы стремились «на крыльях гордыни... познать, как Бог» и заносили «в мир святых — свои невольничьи тревоги» и оставались там в плену. Мыслитель-верующий должен свято соблюдать грань между *divina* и *humana*¹¹, между Потусторонним и Здешним, но он не может, не должен, да и не сможет взирать на мир, созерцать и изъяснять его так, как если бы «Бога не было». Ибо Он Есть, непосредственно зрим религиозному оку всюду, и опытом религиозной свободы объято все существо верующего. Персонально «вера» (и «вера-неверие») всегда входит в философию, и было бы праздно изгонять ее.

Прага Чешская, 1923.III.22.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Г.В. Флоровского к Б.В. Яковенко*

Многоуважаемый Борис Валентинович, Ваше письмо застало меня в «безвыходном» состоянии и с повышенной температурой, — поэтому я посылаю Вам рукопись, не переписанной на машинке. Задержке виною Ваше молчание, внушавшее мне всяческие догадки, не располагавшие торопиться. Извините меня. Не знаю, успею ли я свою статью переделать к 10-му, тем более, что предварительно ее нужно выписать из Берлина, — но думаю, что успеть смогу. К чему относится требование краткости? К тексту готовой и Вами читаной статьи? Или к объему возможному для напечатания? И каков предел — я рассчитываю на 2 листа, не менее. Думаю, что к тому же времени получу «Ист<орию> р<усской> фил<ософии>»¹² Шпета, и о ней напишу рецензию. Ни на что другое из новых книг не поспею так скоро. Рец<ензия> на Герцена¹³ Шп<ета> уже напечатана в «Р<усской> М<ысли>», поэтому я позволил себе увеличить размер рецензии на Вашу брошюру. Предоставляю Вам право ее забраковать, если найдете ее многословной, но не сокращайте... И так она не ясна — от краткости. Когда выйдет за границей П т. Логики¹⁴ Лосского, я хотел бы иметь возможность напечатать у Вас обстоятельную статью об его интуитивизме, — на листа 1 1/2 — 2, — не полемическую, а систематическую критику самого замысла и «обладания» предметом в «опыте». М<ожет> б<ыть>, это даже ответ не о Лосском, а вообще: в настоящее время я принялся за большое систематическое исследование, часть которого составит подробное развитие мыслей статьи о развитии «логического» релятивизма и сюда входит и разбор учения о непосредственном восприятии «самой» реальности (Reid'a¹⁵, его школы имм<анентной> философии и т.д.). Отд<ельные> главы я бы хотел Вам предложить в свое время. — Не замедлите мне ответить на эту посылку. Жму Вашу руку.

*Прага Чешская, 1923. III. 22.
Георгий В. Флоровский*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ порядок вещей (лат.).

² порядок идей (лат.).

³ причина равна следствию (лат.).

⁴ бытие воображаемое (лат.).

⁵ Кантор Георг (1845 — 1918), немецкий математик, профессор в Галле, создатель теории множеств, которая дала сильный импульс для разработки понятия бесконечности.

* Публикуется по рукописному тексту: Архив Б.В. Яковенко (Прага, Чехия). Ед. хр. 205. Л. 15 — 16.

⁶ Творение вещей совершается Богом не по какой-либо необходимости существования, или ведения, или воли, но из чистой свободы, которая ничем внешним не подвигается и тем более не понуждается к причинению (лат.). Флоровский цитирует труд Дунса Скота «*Quaestiones disputatae de rerum principio*» («Спорные вопросы о принципах вещей»).

⁷ Дунс Скот (Duns Scotus) Иоанн (1266/1270 – 1308), богослов, критик томизма, создатель учения о примате воли над разумом.

⁸ Бёме (Böhme) Якоб (1575 – 1624), немецкий мистик, создатель мистической системы космологии. Флоровский цитирует в вольном переводе книгу Я. Бёме «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» (1612).

⁹ Наукоучение (нем.). Подразумевается философское учение И.Г. Фихте, сформулированное в трактате «*Основа общего наукоучения*» (1794).

¹⁰ Наука логики (нем.). Речь идет о 3-томном труде Г.В.Ф. Гегеля «*Наука логики*» (1812 – 1816).

¹¹ божественным и человеческим (лат.).

¹² Подразумевается издание: *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. – Пг., 1922. Ч. 1.

¹³ *Шпет Г.Г.* Философское мировоззрение Герцена. – Пг., 1921. Далее Флоровский упоминает свою рецензию на эту книгу: *Русская мысль*. 1922. Кн. VIII/XII. С. 228 – 231.

¹⁴ Подразумевается издание: *Лосский Н.О.* *Логика*. – Пг., 1922. Ч. 1 – 2; 2-е изд. – Берлин, 1923. Флоровский опубликовал рецензию на «*Логикку*» Н.О. Лосского (Пг., 1922. Ч. 1); *Русская мысль*. 1922. Кн. VI/VII. С. 313 – 315.

¹⁵ Рид (Reid) Томас (1710 – 1796), английский философ, основатель шотландской философской школы «здравого смысла», сторонник интуитивного знания.

Публикация и примечания О.Т. Ермишина